

Внезапу ми се възмиѣ че видѣхъ Венеру раздирающе облаки сосѣ крилатую свою колесницу влачиму отъ два голуба. Она имаше оную свѣтлу красоту, оную живу младость, оныя крехки и влекательны благодати, кои се явиха въ ней, кого исходяща отъ морскую пѣну, притемни очи и самого Юпитера; слезе скоро со скоролетящую свою колесницу близо до мене, и усмахна та положи руку свою на рамо мое, и призывающи ме на име, рѣче митыя глаголы: младый Грече, ты отходишь да влезнешь на царство мое; ты ще стигнешь скоро въ оный благополученъ островъ гдѣ сладости, игры, сладостотворниі смѣхове се раждатъ подъ стапалки мои. Ты ще покадишь благоуханіе въ олтарехъ моихъ; тамо ща те задѣла въ одну рѣку отъ удовольствія. Отвори прочее сердце твое на найсладкія надежды; и вардисе да се не сопротивишь на найсилную отъ всичкія Богини, коя ище да те направи благополучна.

Въ то время видѣхъ и отроча Аморгъ; кой движа малыя свои крыльца летеше около Матерь свою вкупѣ сосѣ благодати. Макарь и да имаше по образѣ много крехку, и сладость младости на лицѣ, имаше обаче не знаю що въ свои очи кое ме устрашаваше. Онъ се смѣеше като ме гледаше, но неговый смѣхъ бѣше лукавъ, присмѣятеленъ и жестокъ. Извади изъ златную свою тулу острѣйшую свою стрѣлу, запиѣ лукъ свой и готовешесе да ме устрѣли: тога внезапно се яви Минерва за да ме покрые сосѣ Егиду свою. Образъ тоя Богини нѣмаше отнюдъ тую мегку красоту и това рачительно немужество, що имаше лице и станъ Венеринъ, но на противъ имаше одну просту красоту, ненакичену и